

— Ну здравствуй, Том, — миссис Паркер посмотрела на меня с укором, как бы спрашивая, не стыдно ли нам, после чего перевела на опустившую ещё ниже голову, Петру и тяжело и тяжело вздохнула, поворачивая рубиновую жидкость в бокале и сделала глоток.

— Ну и, что делать будем? — задала она вопрос, на что Петра встрепенулась, подняв голову, но встретившись взглядом с тётёй, пристыженно опустила его обратно.

Я окончательно понял, что «отдуваться» придётся мне одному.

— А что делать? — я сидел ровно, не развалившись на стуле, но и не вытянувшись в струну, показывая, что не вижу ничего предосудительного в произошедшем.

— А вы считаете это нормальным? — посверлили нас суровым взглядом. Ну как суровым... Видали и суровее. Взгляд миссис Паркер был не то, что суровым, скорее она таким образом скрывала растерянность, которая проскальзывала в её жестах, взгляде и мимике. Это не сильно бросалось в глаза, но зная куда смотреть, понять можно было. Женщина явно не была готова к подобному разговору. И это был явно плюс, поскольку позволял занять доминирующую позицию в диалоге.

— Что именно? То, что мы переспали? Миссис Паркер, — успел я раньше, чем женщина что-то ответила, — Давайте на чистоту, хорошо?

— Ну давай на чистоту. — меня окинули недоверчивым взглядом.

Я демонстративно взял вздрогнувшую от такого жеста Петру за руку, переплетя пальцы и ободрительно ей улыбнулся.

— Мы знакомы с Петрой уже больше десяти лет, — в ответ женщина кивнула, принимая аргумент, — Мы любим друг друга, — Петра вздрогнула на этих словах, подняв на меня взгляд.

— Да? — нас окинули красноречивым взглядом, — Что-то я не помню, чтобы вы до этого становились парой...

— Мы стали... — я слегка замялся, — Вчера.

В этом и была самая большая загвоздка. Я понимал, как это звучит, но также понимал, что лучше сказать это сейчас, чем позже вскроется такая... очень неловкая подробность, а она обязательно вскроется, ведь не может быть такого, чтобы миссис Паркер не стала расспрашивать Петру о том «когда», «кто» и «где». И вот что-то я сомневаюсь, что зеленоглазая милашка (это я сейчас о Паркер... Петре, в смысле) выдержит напора тётёи. В таком случае последствия будут куда хуже, нежели я сейчас честно скажу, что, дескать, да, мы переспали в тот же вечер, как признались. А если сейчас ещё и слегка сместить акценты, то эффект будет куда лучше.

На мои слова женщина поперхнулась вином и ошарашенно стала смотреть на нас.

— Вчера? Это... Вы... Петра?

— Я... Мы... — Петра попыталась что-то сказать, но лишь нервно сглотнула и перевела на меня умоляющий взгляд.

— Да, мисси Паркер, — кивнул, привлекая всё внимание к себе, — Вчера на дне рождения Гарри мы немного выпили, поговорили и признались, что уже давно чувствуем друг к другу одно и то же. А потом... Ну, сами знаете, алкоголь, гормоны... В общем, вот.

Паркер старшая тяжело вздохнула, растерев переносицу пальцами, взглянула на бокал, прикидывая, стоит ли ей сделать глоток и поможет ли он переварить всё услышанное, после чего, решив, по всей видимости, пока не трогать бокал, пристально посмотрела на Петру и спросила:

— А ты что скажешь?

— Ам... Я... В-всё так и было.

— Он тебя не принуждал? — задала довольно неожиданный вопрос женщина и окинула меня взглядом следователя Гестапо, готового если что и яйки укоротить мне, а потом вновь посмотрела на Петру, подобно ищейке, выискивая любую подозрительность в реакции девушки.

— Что? Нет! — встрепенулась моя зеленоглазка, — Я сама... Ой... — Петра очень густо покраснела, вся сжалась, словно попытавшись стать меньше и опустила голову, прячась от наших синхронных с Мэй взглядов, переполненных удивлением.

Я умиленно улыбнулся и положил девушке на голову руку, начав ободряюще ту поглаживать, тихо посмеиваясь, после чего посмотрел на наблюдавшую за этим жестом женщину. Наши глаза встретились, и мы словно услышали мысли друг друга:

— Это Петра. — как само собой разумеющееся констатировали мы, комментируя её выходку. Да уж, это действительно Петра. Ляпнуть не подумав, а потом сидеть и смущаться. В этом вся она.

— Ладно, — сказала миссис Паркер, посмотрев на наручные часы, — Сделаем так. Ты, — это было уже адресовано мне, — Сейчас идёшь домой. Скоро должен вернуться Бэн и... — замялась она, — Я совершенно не представляю его реакцию на... — словно пробуя на вкус новое слово, — парня Петры. Так что я его подготовлю, а ты... — прикинула она что-то в уме, — придёшь к нам, скажем, в субботу на ужин, где уже обстоятельно поговорим с тобой, — после чего вновь на секунду задумалась, — Время потом у Петры узнаешь.

— Окей.

— Петра, — окликнула Мэй девушку, — Проводи-ка своего кавалера, а потом возвращайся... Поговорим, — после чего так хитро улыбнулась, хоть и с видимыми нотками усталости во взгляде, — О нашем, о женском.

— Л-ладно, — слегка поежилась Петра.

Меня довольно быстро выпроводили из дома и перед тем, как закрыли дверь у самого носа, быстро оглянувшись по сторонам, Петра зажмурилась и, бросившись на шею, словно перед походом на эшафот, поцеловала меня. Ох, сколько же всего было в этом поцелуе... Я даже на секунду задумался над тем, чтобы, наплевав на всё сцапать эту жучиху и утащить в свою пещеру, кхм, домой в смысле. Но, нет, нельзя! Ты культиватор и вообще монах - терпи! Жизнь есть страдание, а просветление есть превозмогание. Превозмогай!

Напоследок меня одарили яркой, солнечной улыбкой, от которой сердце готово было пропустить удар, а потом смущённо юркнули за дверь, которая быстро захлопнулась, оставляя меня одного посреди пустой утренней улице с глупой улыбкой на лице.

Ну вот, вроде бы нормально поговорили. Осталось вернуться домой, где мне предстоит ещё один довольно непростой разговор...